

ГОГОЛЕВСКАЯ ФРАЗА В ПОЛЬСКОМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Настоящая статья является частью более широких, комплексных исследований, изучающих место и роль культурных русизмов в польской когнитивной базе. Эта проблематика связана с наблюдениями состояния и развития польско-русского и русско-польского культурного диалога [1]. *Rossica* выступают в польском медиальном пространстве и повседневных высказываниях представителей определенных слоев общества, а их репертуар состоит из различных культурных феноменов. В группе феноменов лингвистических выделяются прецедентные тексты (ПТ), некоторые фразеологизмы (типа *tisze jediesz, dalsze budiesz, ruki po szwam*), а также лексические понятийные заимствования (типа *bolszewik, kolchoz, gulag*), образовавшие на польской почве собственные концепты, которые во многих аспектах отличаются от исходных русских понятий.

Целью настоящей статьи является попытка поиска ответа на два вопроса: как можно, исходя из теории интертекстуальности, описать аспекты механизма включения ПТ в текст актуальный (АТ), а также прокомментировать, как в польском межтекстуальном пространстве функционируют некоторые гоголевские ПТ.

По мнению семиотиков Тартуской лингвистической школы, «текст в тексте» представляет собой специфическую риторическую структуру, в которой различная кодировка разных сегментов становится осознанным фактором авторской конструкции и читательской перцепции текста [2, с. 110]. Составляющие этой структуры обращены к различным реальностям, но на основе авторского решения они синтезируются в однородное связное целое. ПТ текст закреплен в двух семиотических плоскостях: (1) чужеродном (в контексте моих исследований: русском культурном пространстве) и (2) в когнитивно-информационном пространстве АТ

Процедура включения ПТ в состав АТ до определенной степени схожа с механизмом метафоризации [3]. Транспозиция отождествления двух субъектов основана на параллелизме двух ситуаций: (1) символизированной ПТ и (2) ситуации, о которой повествует АТ. Каждый раз мы имеем дело с авторским толкованием аналогии между ситуациями и конгруэнтности ситуации (1) ситуации ми-

ра (2). В основе авторских решений лежит формула метафоры: «ты мог бы сказать, что это не X, а Y» [4]. Используя смыслы, передаваемые ПТ, автор строит двухъярусную фабулу АТ. Инкорпорация и деривация смыслов имеет одновременно творческий и метафорический характер.

Польский словарь крылатых слов фиксирует 19 выражений из произведений Гоголя [5]. Свое внимание я хочу сосредоточить лишь на одном ПТ, а также на одной ситуации, в которой этот текст появляется.

В V главе *Мертвых душ* Чичиков наносит визит Собакевичу. Их разговор – это прекрасно построенная сцена, которая из-за критического отношения хозяина ко всем чиновникам города сама становится, на наш взгляд, прецедентной ситуацией (ПС). Экспонентом этой ПС является, однако, не антропоним *Собакевич*, а высказывание этого персонажа, подытоживающее оценку эстаблишмента города и обладающее признаками ПТ: *Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья*.

Гоголевский ПТ – это сложная структура с противительным союзом и придаточным условным. В первом предложении проводится операция выделения единичного элемента из коллективного множества. Эта операция проводится на основе признаков 'порядочность' и 'приличие', которые доминируют в обиходной этике и в повседневном представлении о норме. Второе предложение содержит придаточное условное с метатекстовой функцией *если сказать правду*, которое играет фундаментальную роль в прочтении интенций отправителя речи. Оператор релятивизирует значение этой части высказывания по отношению к системе норм и оценок, и прежде всего – категории истины. Таким образом, метатекст в сочетании с семантикой союза создает аксиологический контраст: выделенный единичный элемент (прокурор) наделяется негативными характеристическими и личными признаками. Проведенная логическая операция не только не исключает прокурора из множества обывателей города N., но еще и подчеркивает его негативную оценку. ПТ имеет признаки оксюморона из-за своей аксиологической двуплановости является эталоном иронии, потому что представляет собой стереотипное представление об ироническом высказывании, в котором имеет место жонглирование смыслами: прокурор одновременно и хва-

лится, и порицается, одобрение и неодобрение образуют единое целое.

Когнитивный потенциал гоголевской ПС, символизированной ПТ, основан на том, что в ней увидели идеальный образец коммуникативной ситуации, направленной на беспардонную критику и оскорбление других. Это негативный эталон антикультуры общения и исчезающей культуры разговора и ответственности за каждое слово.

Как показывают некоторые польские текстовые примеры [6], гоголевская ПС и гоголевский ПТ прекрасно подходят и для концептуализации польского общественного дискурса, и для оценки его форм и содержания.

Какую роль в проанализированных польских АТ выполняют отсылки к творчеству Гоголя? Благодаря этим включениям авторы, которые идентифицируют себя с гоголевским текстом и принимают его за свой, ставят описываемое событие в инсценизационные кавычки, доминантой которых является ирония, т. е. авторская нарративная стратегия, основанная на противоположности смыслов. Гоголевский ПТ становится семантическим и прагматическим партнером АТ, заражает его своей имманентной ироничностью и тем самым создает прагматический контекст АТ. Прецедентный гоголизм является текстом активным, а его активность направлена на когнитивно-информационное пространство АТ, в котором открываются определенные коннотации.

Введение между автором и читателем звена литературного наследия Гоголя эксплодирует вереницей дополнительных смыслов и значений. Гоголевский привкус абсурда и гротеска в значительной степени модифицирует и само событие, и способ его восприятия, а также способ его передачи: перед читателем ставятся рафинированные компетенционные требования.

1. M. Sarnowski Dialog między kulturami. O elementach rosyjskich w przestrzeni kulturowej współczesnych Polaków // Dialog w literaturach i językach słowiańskich. T. 2. Językoznawstwo. Opole, 2003.

2. J. Lotman. Kultura i eksplozja. Warszawa, 1999.

3. А. Е. Супрун Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 6, 1995.

4. A. Wierzbicka Porównanie – gradacja – metafora // Pamiętnik Literacki. IV, 1971.

5. *H. Markiewicz, A. Romanowski* Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych. Kraków, 2005.

6. *M. Sarnowski*. O jednym zdaniu ze spuścizny Mikołaja Gogoła, (в печаті).